

А.К. Муканова^{1*}, С.А. Семедов², Б.И. Карипбаев¹, Д.Г. Шорманбаева³

¹Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан;

²Институт управления и регионального развития РАНХ и ГС при Президенте РФ,
Москва, Россия;

³Карагандинский технический университет имени А. Сагинова, Караганда, Казахстан
(E-mail: kudasel26@mail.ru; karipbaev@mail.ru; sa-semed@mail.ru; yasmına-dinara@mail.ru)

Трансформация понимания идентичности в философском дискурсе

В статье проанализировано понятие «идентичности». В рамках истории развития понятия дана периодизация в виде двух больших этапов, включающих в себя набор различных теорий. Произведены семантическая экспликация и характеристика основных теорий идентичности. Прослежена смысловая трансформация понятия «идентичность» в разных философских направлениях и школах, а также у разных авторов. Установлена причинно-следственная зависимость между пониманием идентичности и конкретной исторической социокультурной ситуацией. В рамках статьи идентичность концептуализируется не как статичная сущность, а как динамичная, подвижная структура, обладающая потенцией к рекомбинации и реконфигурации. Проведена корреляция между идентичностью как темой философского осмысления и эпистемологическими процедурами тождества и различия. Определена главная проблема идентичности в современном казахстанском обществе, которая, по мнению автора, заключается в дивергенции объективных социокультурных обстоятельств (реальность глобализации) и внутренних факторов, оказывающих сильное влияние на самоопределение (история, традиции, менталитет). Подчеркивается тот факт, что история западного мира по своему характеру, последовательности, динамике и отчасти целенаправленности не идентична истории Казахстана. Поэтому линейной модернизации (выстраиванию своей культуры по лекалам европейской) препятствует множество эндемических причин, которые нельзя просто отбросить как нечто устаревшее. Во многом эти эндемические факторы составляют самобытность национальной и культурной идентичности казахстанского общества.

Ключевые слова: идентичность, глобализация, мультикультурализм, тождество, различие, самоопределение, принадлежность, индивидуализм, дивергенция, противоречие.

Введение

Исторически сложившиеся нормы коллективного миропонимания и мироотношения в нашем обществе подверглись процессам девальвации в контексте неотвратимо наступающей глобализации, несущей, помимо очевидных цивилизационных благ, совершенно иной культурный код, основанный на идеологии индивидуализма.

В этой связи актуальным становится осмысление темы идентичности, индуцирующей классический философский вопрос «Кто я?» или в коллективном варианте — «Кто мы?», а именно — «Кто мы в современном мире?», «Как следует определять себя?», «Каким нормам следовать в быстро меняющемся мире?», «Возможны ли какие-либо нормы вообще?», «И нужно ли им следовать?».

Ответы на эти вопросы требуют тщательного разъяснения и анализа понятия «идентичность» не только в срезе различных дисциплинарных оптик, но и в реальном историческом контексте применительно к нашему обществу.

Таким образом, цель данной статьи может быть обозначена как комплексное рассмотрение понятия идентичности. Основной акцент исследования будет сделан на моменте проблематизации идентичности в условиях современного мира, то есть в условиях глобализации.

Существует принципиальная разница между различными подходами к пониманию идентичности. Большой популярностью пользуются психологические теории идентичности, особенно теория Э. Эриксона [1]. На наш взгляд, сегодня проблема идентичности выходит за рамки психологической тематизации и приобретает масштаб социологический, культурологический и даже философский. Поскольку в психологии идентичность напрямую связывается с социализацией через критерий успешности/не-успешности прохождения этого процесса, не ставится вопрос о самом характере со-

* Автор корреспондент. E-mail: kudasel26@mail.ru

циума. Вот почему необходимо более широкое масштабирование, в рамках которого анализу бы подверглось само общество, взятое в исторической динамике и культурной диффузии.

Методы исследования

Исследование построено на использовании различных видов анализа: исторический, сравнительный, концептуальный, синхронический и диахронический, кластерный (выявление смысловых инвариантов).

Также использовались различные модели типологизации идентичности по различным основаниям.

Главная методологическая интенция исследования — поиск смыслогенетических оснований идентичности в различные исторические периоды.

Преобладающей интерпретирующей оптикой стал фукианский постструктурализм, определяющий идентичность как набор определенных социокультурных практик, производящих субъективность.

Результаты

Идентичность как тема философского осмысления неразрывно связана с эпистемологическими процедурами тождества и различия.

Активную разработку данная тема получила достаточно поздно, только в 70-х гг. XX века, и развивалась на фоне перехода от неклассического к постнеклассическому знанию в гуманитарных науках. Расширение понятия рациональности, которое началось со штудий Г. Башляра [2], привело к размыванию семантических границ многих понятий, способствуя превращению их в зонтичные термины. В этом отношении понятие «идентичность» не стало исключением.

Перенос различных способов анализа из одной дисциплинарной области в другую (чем, собственно, и прославился постструктурализм) обернулся неудержимым раздвиганием рамок рефлексии, не способной отныне поставить понятийный предел тем или иным явлениям. Отсюда принципиальная незавершенность концепта «идентичность», который подразумевает слишком много, а значит — ничего конкретного.

Надо заметить, что постструктуралисты нашли довольно оригинальный выход из сложившейся ситуации: они отказались от эссенциалистских интерпретаций идентичности (понимания идентичности как сущности) и занялись разработкой конструктивистских трактовок данного феномена.

Анализ истории понятия «идентичность» позволяет выделить 2 больших этапа, на протяжении которых были созданы различные теории. Несмотря на отдельные различия и особенности, их можно объединить и сравнить в соответствии с базовыми процедурами философского познания, а именно — через понимание идентичности как тождества (этап № 1) и понимание идентичности как различия (этап № 2).

Этап № 1: идентичность как тождество. Со времен Аристотеля принцип тождества ($A=A$) преобладал в плане гносеологической и соответственно аксиологической значимости над принципом различия. У Аристотеля тождественность понималась как тематизация одного и того же предмета в рамках одного рассуждения или высказывания. Другими словами, Аристотель настаивал на сохранении одного смыслового значения слова, словосочетания, выражения в пределах одного определенного контекста, будь то дискуссия, создание текста или даже обыденный разговор. Как писал сам Аристотель, «иметь не одно значение — значит не иметь ни одного значения; если же у слов нет значений, тогда утрачена всякая возможность рассуждать друг с другом, а в действительности — и с самим собой; ибо невозможно ничего мыслить, если не мыслить что-нибудь одно» [3; 415].

В Новое время Декарт субстанциализировал тождество в качестве принципа *cogito*. Формулу «*cogito, ergo sum*» некорректно понимать как силлогизм, скорее, это процедура онтологического самоудостоверения, указывающая на несомненное наличие мыслящего субъекта. По мысли Декарта, любое рефлексивное отслеживание наших ментальных актов приводит в конечном счете к фигуре самого мыслящего, который в разные моменты времени остается одним и тем же субъектом. Таким образом, Декарт эксплицирует идентичность как неизменность мыслящей формы, допускающей изменение мыслимого содержания (мыслится — всегда разное, но мыслит — один и тот же) [4].

Параллельно магистральной линии развития философской мысли, идущей от Аристотеля, который вслед за Платоном отдавал предпочтение родовому (общему), а не видовому (частному) бытию, в Средние века возникает иное направление, представленное в работах Дунса Скота. Вопреки сложившейся традиции, Скот полагал, что всеобщее — это не высшая, а, наоборот, низшая ступень бы-

тия, в то время как на вершине онтологической иерархии находится конкретный индивид, которого Скот мыслил как самостоятельную сущность. Таким образом, в отличие от Аристотеля и Декарта, которые фиксировали идентичность в качестве формы всеобщего или, точнее, всеобщей формы (выраженной в мышлении), Скот впервые в истории мысли обосновал идентичность как единичность [5].

Эту линию продолжил в Новое время Г. Лейбниц, полемизировавший с монизмом Спинозы и дуализмом Декарта, предлагавший свою модель плюралистической онтологии, в которой каждая автономная единица (монада) предстает самостоятельной субъективностью, обладающей уникальным, только ей присущим способом существования [6].

Контуры этической проблематики и в какой-то мере религиозного мировоззрения тема идентичности получает в творчестве С. Кьеркегора. У него идентичность раскрывается как свободное, ничем не детерминированное экзистенциальное самоопределение, включающее в себя потенцию самостоятельного жизнестроительства (конструирование своей биографии) и персональной ответственности за свой выбор. Таким образом, Кьеркегор определяет идентичность как аутентичность, то есть как подлинность собственного существования, которая проверяется в так называемых пограничных ситуациях [7].

Несколько иное, но тоже в духе примата единичного над всеобщим осмысление идентичности можно найти в работах Дж. Локка и Д. Юма.

Локк базирует идентичность на функции памяти как способности связывать воедино и удерживать вместе различные представления и фрагменты своей жизни (события, встречи, происшествия, произнесенные слова и т.д.). При этом он имеет в виду не только индивидуальную, но и социальную память. Поскольку человек живет и действует среди других людей, его идентичность конституируется не только собственной памятью, но и тем, что помнят (знают) о нем другие [8].

Юм прямо переносит акцент с интроспективного самоопределения на мнение общества об индивидуе, определяя идентичность человека как его репутацию [9]. В этом отношении он был первым, кто придал теме идентичности коннотации символизации, которые впоследствии станут основой для социологических и культурологических теорий идентичности.

Этап № 2: идентичность как различие. Переходным звеном в цепи теорий идентичности на рубеже веков стала философия жизни, представители которой ввели в оборот дихотомию жизнь/культура, подразумевая естественность, спонтанность и самопроизвольность первой и искусственность, принудительность и ограничительность второй. Тем самым сторонники философии жизни вернули права телесности, физиологии, то есть чисто материальным феноменам, относящимся к природе человека.

На первом этапе человек представал неким бестелесным разумом, чистой рефлексивной функцией, абстрактной понимающей потенцией. При этом идентичность связывалась именно с этими аспектами. На втором же этапе происходит реабилитация тела, человек уже мыслится как физиологический и психологический, то есть ощущающий и чувствующий индивид.

Легитимация телесности усилила момент различия: если до XX века люди стремились соответствовать нормам, то в XX веке мода переходит с нормативности на оригинальность, фокусируется на том, что отличает, выделяет человека из окружения [10].

Следующий шаг в серьезной теоретической разработке идентичности как различия сделали представители франкфуртской школы. Основной пафос этой школы заключался в критике тоталитарных систем, влияние которых они прослеживали не только в политике, но и в повседневной жизни, например, в музыке, кинофильмах, литературной продукции, способах коммуникации и т.д. Идентичность в таком ракурсе определялась как момент несовпадения (растождествления) с регламентирующими предписаниями системы. В частности, Т. Адорно писал о необходимости защитить частную жизнь, или, как он это называл, «непосредственное существование» человека, то есть освободить его от невидимого и повсеместного влияния социальной идеологии [11]. Таким образом, у теоретиков франкфуртской школы идентичность конституируется в зонах различия между обществом и индивидом. Идентичность проявляется именно в те моменты, когда индивид освобождается от социальных предписаний, при этом не нарушая их. Более радикальную проработку темы идентичности в духе франкфуртских исследований можно найти в работах Г. Маркузе [12].

Дальнейшее осмысление тема идентичности получает в парадигме постструктурализма. Здесь идентичность начинает пониматься как практика, то есть нечто процессуальное, длящееся во времени, а если быть точнее, идентичность понимается как автосемиозис (самообозначивание).

Для постструктурализма характерно использование лингвистических моделей и метафор, поэтому практика идентификации описывается в терминах лингвопрагматики. Например, понятие синонимии применяется максимально широко, включая в себя сходство и подобие параметров идентичности в различных сферах и сегментах культуры. Сама культура предстает в трудах постструктуралистов как текст, а отношения человека с культурой понимаются как механика свободного реципиента, имеющего право по своему усмотрению принимать, отвергать или комбинировать элементы текста (культуры), составляя из них подвижные структуры собственной идентичности. При этом данная деятельность по сборке/переборке элементов текста носит принципиально незавершенный характер. То есть индивид может выстраивать и менять свою идентичность на протяжении всей своей жизни.

Таким образом, в рамках постструктуралистской теории идентичность приобретает темпоральное измерение. Преимущество отдается будущему времени как чистой возможности самоконструирования. Отныне человек не отягощен своим прошлым и какими-либо внешними детерминациями. К идентичности относится только то, что сам человек выбрал в качестве своего.

Такая апология свободы в понимании идентичности продиктована современной социальной идеологией, культивирующей толерантность, мультикультурализм, политкорректность, открытость сознания, терпимость, индивидуализм и гуманизм.

Обсуждение

Главная проблема идентичности в современном казахстанском обществе, на наш взгляд, заключается в дивергенции объективных социокультурных обстоятельств (реальность глобализации) и внутренних факторов, оказывающих сильное влияние на самоопределение (история, традиции, менталитет).

История западной культуры по своему характеру, последовательности, динамике и отчасти целенаправленности не идентична истории нашей страны. Поэтому линейной модернизации (выстраиванию своей культуры по лекалам европейской) препятствует множество эндемических причин, которые нельзя просто отбросить как нечто устаревшее. Во многом эти эндемические факторы составляют самобытность национальной и культурной идентичности казахстанского общества.

Проблема дивергенции и возникающее вследствие нее состояние культурной двойственности характерны не только для нашей страны, но и, в целом, для всех стран СНГ. Как отмечает Салихов, существует 2 варианта выхода из сложившейся ситуации противоречия: «Первое ... пребывать в безмолвном состоянии, являясь лишь сырьевым ресурсом для западных стран. Второе ... решить эту задачу цивилизованно, все индивиды должны получить равные права на всех уровнях и во всех сферах общественных институтов, в правительственных, образовательных, военных, правоохранительных и прочих структурах, принимать активное участие в экономической, социальной, политической, образовательной, духовной, культурной жизни страны» [13; 124].

В сущности, проблема идентичности сегодня напоминает сценарий борьбы почвенников и западников, в рамках которого предлагаются 2 взаимоисключающих решения: 1) выбрать политику культурного изоляционизма, встречая в штыки любые новшества и нововведения, особенно если они приходят с Запада; 2) стать открытыми к современным тенденциям, демонстрируя не только готовность к изменениям, но и сами изменения.

Курс на модернизацию общественного сознания, выбранный несколько лет назад, по своему содержанию ближе к решению, которое предлагали западники. В принципе, здравый смысл подсказывает, что это единственная возможность развития, однако между прокламациями и реальной практикой существует огромная разница.

Можно вспомнить пророческие слова Хантингтона о том, что «цивилизации несхожи по своей истории, языку, культуре, традициям и, что самое важное — религии. Люди разных цивилизаций по-разному смотрят на отношения между Богом и человеком, индивидом и группой, гражданином и государством, родителями и детьми, мужем и женой, имеют разные представления о соотносительной значимости прав и обязанностей, свободы и принуждения, равенства и иерархии. Эти различия складывались столетиями, и они не исчезнут в обозримом будущем. Они более фундаментальны, чем различия между политическими идеологиями и политическими режимами» [14].

Безусловное наличие противоречия в виде двух разнонаправленных устремлений (в сторону развития и в сторону сохранения) порождает амбивалентность общественного сознания современного Казахстана. Старшее поколение склонно скептически оценивать реалии западной культуры, неизбежно впадая в режим ностальгического мышления, когда прошлое ретроспективно репрезентирует-

ся как несомненно лучший образец. Молодежь, выросшая на пролиберальных СМИ, напротив, склонна критически оценивать именно прошлое (наследие советской культуры), выбирая в качестве образца для подражания западный образ жизни.

Следует отметить, что проблема идентичности в Казахстане пролегает не только по линии этнического и культурного самоопределения. Значительный фактор в этом отношении представляет религия, которая, наряду с национальной и культурной принадлежностью, образует важный параметр религиозной идентичности.

Общество современного Казахстана не вполне осознанно совмещает функционирование двух разных по своей природе и направленности систем ценностей: светскую и религиозную.

Характер этого совмещения не до конца комплементарен, однако он и не представляет собой радикального антагонизма. Примечательно, что эта двойственность существует именно в режиме одновременности, симультанности, а не последовательности. Другими словами, неверующая часть общества уважительно относится к правам верующих, а верующая часть населения вполне лояльна к секулярным принципам государственной политики.

Определяя характер современного Казахстана в оптике религиозности или светскости, следует констатировать, что Казахстан — это светское государство, поскольку, хоть религия и играет значительную роль в жизни людей, в их мировоззрении она не является доминирующей детерминантой.

Более того, в последнее время наблюдается прекращение экстенсивного роста верующих. Их количество с незначительными изменениями в сторону понижения сохраняет одни и те же позиции.

Сегодня основной акцент делается скорее на интенсивность развития религиозного мировоззрения: повышения уровня религиозной грамотности, а также повышения уровня строгости соответствия религиозных требований и социального поведения.

Предполагая некую диалектическую корреляцию, можно обозначить также усиление процессов обретения гражданских прав неверующей частью общества. Если прежде (в годы гиперкомпенсации советского атеизма) отсутствие хотя бы номинальной религиозной принадлежности считалось чем-то негативным, сегодня неверующие люди могут спокойно и открыто декларировать свои позиции.

Таким образом, в отношении современного Казахстана вполне релевантно будет применить такое понятие, как «мировоззренческий плюрализм», поскольку и позиции верующих, и позиции неверующих представлены большим количеством самых разнообразных содержательных конкретизаций. В случае верующих — это различные религиозные движения и течения (не только традиционные), в случае неверующих — это различные версии агностицизма, а не только оголтелого атеизма (как это было в советские годы).

Такова общая картина, которой явно недостаточно для научных концептуализаций. Обозначение границ проблемного поля можно начать с формулировки следующих вопросов:

- 1) Какова конфигурация комплекса религиозного мировоззрения в современном Казахстане с учетом его достаточно пестрой фрагментарности?
- 2) Какова структура нерелигиозного мировоззрения в современном Казахстане?
- 3) Каково соотношение этих начал и каков характер их взаимодействия?

Те же вопросы можно задать, заменяя религиозную идентификацию политической. Дело в том, что в современном казахстанском обществе, несмотря на достаточно высокий уровень социальной обеспеченности, по-прежнему наблюдается низкий уровень политической культуры и откровенный правовой нигилизм [15].

Этническая идентичность у современной молодежи Казахстана имеет слабый аспект политизации и в большей степени формируется как приобщенность к определенным культурным практикам, имеющим довольно широкий спектр происхождения: от семейных традиций до модных трендов. Последние апроприируются молодежью в качестве параметров персональной идентичности, в том числе этнической, причудливо вписываясь и переплетаясь с некоторыми элементами кода традиционной казахской культуры. Это находит выражение в амбивалентных казахско-русских и русско-казахских лингвистических конструкциях, которые отличаются от билингвизма в общепринятом смысле.

Относительно возможности двух способов конструирования этнической идентичности можно привести слова российского этнолога: «Существуют как бы две конкурирующие формы групповой идентичности: одна — по культуре, другая — по политической лояльности, которые отражают существование наиболее мощных форм социальных группировок людей — этнических общностей и государственных образований. Между двумя этими идентичностями имеет место сложный диалог, и каждая из них есть также многомерное явление» [16].

Самым популярным трендом, который предлагают в качестве средства решения проблемы идентичности, является мультикультурализм.

Мультикультурализм, в первую очередь, предполагает диспозитив плюрализма, наличие несводимого к одному началу разнообразия, которое обладает скорее чертами конгруэнтности, нежели интегративности. Другими словами, речь идет о том, что консистентность мультикультурального общества завязана на гетерогенизацию, а не унификацию.

С политической точки зрения, мультикультурализм означает реабилитацию миноритарных социальных групп. При этом основы миноритарности представлены самым широким спектром дискриминативных критериев: от этничности до профессиональности.

Генетический анализ позволяет проследить идейные корни становления мультикультурализма, которые произрастают в качестве традиционной проблемы установления справедливости в либеральном духе.

Главной причиной, давшей жизнь мультикультурализму как реакции, можно считать социальную разнородность. В этом отношении стратегию мультикультурализма следует оценивать как сложную модель построения взаимоотношений между различными социальными группами.

Исторически мультикультурализм стал третьей по счету моделью, предлагающей решение проблемы разнородности общества. Первой была модель ассимиляции (поглощение малых групп одной доминирующей), второй — модель интеграции (расширение возможностей малых групп для сохранения аутентичности при строгом ограничении их от государственной политики).

Сущностному пониманию мультикультурализма препятствует не только его многомерность, но и откровенная спекуляция со стороны некоторых ангажированных политических групп, которые наделяют данное понятие спекулятивным потенциалом и используют в качестве некоторого рода прескрипции (предписания). «Понятие мультикультурализма стало сегодня «резиновым» термином, включающим огромное количество зачастую противоречивых тенденций и явлений, так что каждый из исследователей, обращающихся к этому феномену, вкладывает в него по сути свой смысл» [17; 29].

Применительно к Казахстану следует всегда помнить об инерции советской идеологии, которая до сих пор сказывается в мировоззренческой матрице постсоветского мышления. В частности, тематизация такого феномена, как «национальное государство», ассоциативно связывается с национализмом, который в оптике марксизма-ленинизма котируется как нечто негативное.

Пейоративная коннотация этих понятий глубоко вошла в общественное сознание (или точнее — бессознательное) постсоветских граждан.

Нация, национальность, национальная политика — все эти номинации не подвергаются дифференциации, а просто некритично сваливаются в одно поле, получающее крайне отрицательный эмоциональный окрас.

Можно сказать, что для основной массы населения эти понятия связываются с антидемократическими (и даже антигуманистическими) тенденциями и при этом, зачастую неосознанно, противопоставляются идеалу интернационала.

В рамках такой инерционной механики мышления любой дискурс о национальных особенностях предстает как нечто постыдное, как задавленный комплекс общества.

И пусть «национализм является идеологией, которая аргументирует в пользу создания или сохранения определенного сообщества в качестве государства» [18], движение в сторону (нео)либеральных светских ценностей не означает реальных фактических изменений в структуре мышления масс.

Один из главных стратегических курсов политики современного Казахстана — это вхождение в список наиболее развитых стран, что, в сущности, означает ориентацию на западные стандарты и форматы социальной организации жизни.

Фактическая ситуация в современном Казахстане предстает как полиэтничность и поликонфессиональность общества, которое в соответствии с критериями западного мира необходимо преобразовать в единую нацию, нацию-государство, национальное государство.

Еще раз отметим, что в современной западной теории понятие «нации» и вся возможная, связанная с ним понятийная амплификация преимущественно означает только «членство в политическом сообществе, готовность государства защитить права своих граждан и гражданскую идентичность» [19; 120].

Несмотря на то, что первый Президент Казахстана Н. Назарбаев не раз открыто выражал свою приверженность принципам мультикультурализма, многие казахстанские исследователи довольно сдержанно, если не сказать негативно, относятся к перспективам реализации этого проекта.

Приведем ряд мнений:

1. «Несмотря на то, что мультикультурализм полностью соответствует требованиям либеральной демократии, интересы национальной безопасности многих европейских стран идут вразрез с благородными принципами либеральной толерантности. Мультикультурализм на этапе своего формирования рассматривался как теория, согласно которой иммигранты имеют право и должны сохранять свою культуру и самобытность, делая современные европейские нации похожими на культурную мозаику. Однако череда событий начиная с 11 сентября 2001 года — теракты в Мадриде и Лондоне, ответные меры европейских правительств, борьба с хиджабами во Франции, и особенно погромы там осенью 2005-го, карикатурная война в начале 2006-го — все это ясно показывает, что концепция мультикультурализма не выдержала проверку жизнью и трещит по швам. Похоже, мирному сосуществованию европейской и мусульманской культур в Европе приходит конец...» [20; 12].

2. «Я не разделяю концепцию мультикультурализма. Концепция не нова, ее пытаются претворить в Канаде, были и другие попытки, но... она не имела особого успеха, а кое-где даже провалилась» [21; 33].

Важно понимать, что с помощью мультикультурализма в современном Казахстане стремятся преодолеть угрозы ксенофобии и дискриминации по национальному признаку посредством закрепления установок толерантности. Однако, помимо этого, приоритетной задачей остается развитие гражданской идентичности.

И здесь возникает ряд принципиальных трудностей. С одной стороны, существует тенденция укрепления позиций титульной нации и установления параметров доминирующей культуры, с другой — существует понятное возражение со стороны малых этнических групп против особого отношения государства к одному этносу, к одной культуре, даже если они являются преобладающими.

Примечательно, что столь существенная проблематика в поле казахстанской науки решается в основном бессодержательными ангажированными декларациями, хвалебными лозунгами, призванными скрыть довольно непростое положение дел. Приведем, на наш взгляд, весьма репрезентативное высказывание современного автора: «Государственной власти в Казахстане удастся сохранять и поддерживать баланс между этнической и гражданской идентичностями. С одной стороны, государство способствует развитию казахского языка и культуры с тем, чтобы они стали достоянием не только казахов, но и всего полиэтнического населения Казахстана, и тем самым развивали бы его титульную идентичность. С другой стороны, государство настаивает на равенстве всех граждан Казахстана независимо от их этнической, культурной, языковой, религиозной и иной принадлежности. Эта политика направлена на поддержание и укрепление гражданской идентичности» [22; 41].

Строгость и ясность научного исследования, а также элементарные принципы интеллектуальной честности побуждают задать вопрос: «Насколько правомерно говорить о мультикультурализме в Казахстане?»

Отдавая должное успехам довольно мирной политики в вопросах межэтнических и соответственно межкультурных отношений, следует, тем не менее, продумывать проблему до конца. И на пути этого предприятия возникают вопросы, на которые невозможно дать однозначные ответы. Например, где пролегает граница между обеспечением прав малых этнокультурных групп и между необратимым размыванием титульной идентичности? Как соединить линию сохранения и развития малых групп с интегрированием их в поле единой казахстанской культуры, притом, что любое изменение воспринимается очень болезненно?

На наш взгляд, для более-менее обоснованных прогнозов и рациональных предложений не хватает достаточных данных. Пока что не созданы серьезные, фундаментальные, а главное, детализированные исследования, которые бы отражали весь комплекс связей истории, культуры, политики, религий автохтонных этносов.

Здесь открывается огромное поле работы для так называемых *areastudies* — междисциплинарных исследований, занимающихся изучением одного объекта (в данном случае — современного Казахстана) с различных предметных и методологических позиций. Результатом такого рода работы могло бы стать создание объемной концептуальной карты, показывающей аксиологическую и семантическую специфику этнических мировоззрений, а также характер их исторической трансформации и особенности рецепции другими группами.

Но пока всего этого нет, вопрос остается открытым. И мультикультурализм в современном Казахстане имеет статус экспериментального практикования, исход которого остается неясным и неоднозначным.

Выводы

Тема идентичности наполнялась различным семантическим, ценностным, в широком смысле идеологическим содержанием в различные периоды истории.

Каждое конкретное содержание понятия «идентичность» по преимуществу отражало дух времени и характер определенной эпохи.

Рост индивидуализма и все вытекающие из этого процесса следствия привели к тому, что идентичность начала пониматься не как тождество, а как различие. При этом само различие конституировалось в различных отношениях и соотношениях: к другим людям, обществу, государству, господствующей идеологии, традиции, тем или иным культурным параметрам.

Проблема идентичности в современном Казахстане заключается в одновременном сосуществовании двух сильных разнонаправленных тенденций, которые можно обозначить как традиционализм и модернизм (прогрессизм).

Основная трудность формирования идентичности, релевантной требованиям современного мира, состоит в необходимости сочетания элементов, традиционно считающихся взаимоисключающими и несовместимыми.

Список литературы

- 1 Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. — М.: Прогресс, 1996. — 344 с.
- 2 Башляр Г. Избранное: научный рационализм / Г. Башляр. — СПб.: Университетская книга, 2000. — 395 с.
- 3 Антология мировой философии: [В 4-х т.]. — Т.1 / под ред. В.В. Соколова. — М.: Мысль, 1972. — 710 с.
- 4 Декарт Р. Рассуждение о методе / Р. Декарт. — М.: АСТ, 2020. — 416 с.
- 5 Блаженный Иоанн Дунс Скот. Избранное / Сост. и общ. ред. Г.Г. Майорова. — М.: Изд-во Францисканцев, 2001. — 583 с.
- 6 Лейбниц Г. Монадология / Г. Лейбниц. — М.: Рипол Классик, 2022. — 200 с.
- 7 Кьеркегор С. Страх и трепет / С. Кьеркегор. — М.: Академический проект, 2022. — 154 с.
- 8 Локк Дж. Опыт о человеческом разумении / Дж. Локк. — М.: Азбука, 2022. — 864 с.
- 9 Юм Д. Трактат о человеческой природе / Д. Юм. — М.: Азбука, 2022. — 320 с.
- 10 Зиммель Г. Избранное. Философия культуры / Г. Зиммель. — М.: ЦГИ, 2017. — 437 с.
- 11 Адорно Т. Негативная диалектика / Т. Адорно. — М.: Академический проект, 2011. — 538 с.
- 12 Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек / Г. Маркузе. — М.: АСТ, 2003. — 528 с.
- 13 Салихов Г.Г. Проблема идентичности в условиях глобализации / Г.Г. Салихов // Век глобализации. — 2011. — № 1. — С. 122–129.
- 14 Huntington S. The Clash of Civilizations / S. Huntington // Foreign Affairs. — 1993. — № 3. — P. 22-49.
- 15 Абсаттаров Г.Р. Правовой процесс в социально-политической системе казахстанского общества / Г.Р. Абсаттаров // Изв. НАН Республики Казахстан. — 2008. — № 5. — С. 100–107.
- 16 Тишков В. Конструирование этнической идентичности / В. Тишков. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/lekcii2/lekcii/konstruiro.html>.
- 17 Глостанова М. Западные СМИ и мифология толерантности / М. Глостанова // Право знать: история, теория, практика. — 2003. — № 9, 10. — С. 28–44.
- 18 Кевлиан Р. Теории национализма: общий обзор и применимость к Центральной Азии / Р. Кевлиан // Доклад, прочитанный 01.03.2006 г. на семинаре «Билима» — Центрально-Азиатского ресурсного центра по политической науке. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://pandia.ru/text/77/148/3743.php>.
- 19 Кукушева Н.Э. Мультикультурализм как теория нацистроительства в Казахстане / Н.Э. Кукушева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение // Вопросы теории и практики. — 2016. — № 12. — С. 117–120.
- 20 Лаумулин М. Закат мультикультурализма. Наступает эра европейского ислама / М. Лаумулин // Континент. — 2006. — № 5. — С. 11–13.
- 21 Шалабаева Г. Постигание культуры: мировоззренческие парадигмы и исторические реалии Казахстана / Г. Шалабаева. — Алматы: Ақыл кітабы, 2001. — 420 с.
- 22 Кадыржанов Р. Этнокультурный символизм и национальная идентичность Казахстана / Р. Кадыржанов. — Алматы: Ин-т философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2014. — 168 с.

А.К. Муқанова, С.А. Семедов, Б.И. Карипбаев, Д.Г. Шорманбаева

Философиялық дискурстағы бірегейлікті түсінудің трансформациясы

Мақалада «бірегейлік» ұғымы талданған. Тұжырымдаманың даму тарихы аясында әр түрлі теориялар жиынтығын қамтитын екі үлкен кезең түрінде кезеңдеу берілген. Жеке тұлғаның негізгі теорияларының семантикалық экспликациясы мен сипаттамасы жасалған. Әр түрлі философиялық бағыттар мен мектептерде, сондай-ақ әр түрлі авторларда «бірегейлік» ұғымының семантикалық өзгеруі байқалады. Бірегейлікті түсіну мен белгілі бір тарихи әлеуметтік-мәдени жағдай арасындағы себеп-салдарлық байланыс орнатылған. Сонымен қатар бірегейлік статикалық тұлға ретінде емес, рекомбинация мен қайта конфигурациялауға потенциалы бар динамикалық, жылжымалы құрылым ретінде тұжырымдалған. Бірегейлік философиялық түсіну тақырыбы ретінде және сәйкестендіру мен ажыратудың гносеологиялық процедуралары арасында корреляция жасалған. Авторлардың пікірінше, объективті әлеуметтік-мәдени мән-жайлардың (жаһандану шындығы) және өзін-өзі анықтауға (тарих, дәстүр, менталитет) күшті әсер ететін ішкі факторлардың алшақтығы болып табылатын қазіргі қазақстандық қоғамдағы бірегейліктің басты мәселесі айқындалған. Батыс әлемінің тарихы өзінің сипаты, дәйектілігі, динамикасы және ішінара бағыттылығы жағынан Қазақстан тарихымен бірдей емес екендігіне баса назар аударылған. Сондықтан сызықтық модернизацияға (өз мәдениетін еуропалық үлгілерге сәйкес құруға) көптеген эндемикалық себептер кедергі келтіреді, оларды ескірген нәрсе ретінде алып тастауға болмайды. Көп жағдайда бұл эндемикалық факторлар қазақстандық қоғамның ұлттық және мәдени бірегейлігінің өзіндік ерекшелігін құрайды.

Кілт сөздер: бірегейлік, жаһандану, мультикультурализм, сәйкестік, айырмашылық, өзін-өзі анықтау, тиесілілік, индивидуализм, дивергенция, қайшылық.

A.K. Mukanova, S.A. Semedov, B.I. Karipbaev, D.G. Shormanbaeva

Transformation of the understanding of identity in philosophical discourse

The article analyzes the concept of “identity”. Within the framework of the history of the development of the concept, periodization is given in the form of two large stages, which include a set of different theories. A semantic explication and characterization of the main theories of identity is made. The semantic transformation of the concept of “identity” is traced in different philosophical directions and schools, as well as by different authors. A causal relationship is established between the understanding of identity and a specific historical socio-cultural situation. Within the framework of the article, identity is conceptualized not as a static entity, but as a dynamic mobile structure with the potential for recombination and reconfiguration. A correlation is made between identity as a topic of philosophical reflection and epistemological procedures of identity and distinction. The main problem is the problem of identity in modern Kazakhstani society, which, according to the author, lies in the divergence of objective socio-cultural circumstances (the reality of globalization) and internal factors that have a strong influence on self-determination (history, traditions, mentality). The fact is emphasized that the history of the Western world in its character, consistency, dynamics and partly purposefulness is not identical to the history of Kazakhstan. Therefore, linear modernization (building one's culture according to European patterns) is hindered by many endemic reasons that cannot simply be discarded as something outdated. In many ways, these endemic factors make up the originality of the national and cultural identity of the Kazakh society.

Keywords: Identity, globalization, multiculturalism, difference, self-determination, affiliation, individualism, divergence, contradiction.

References

- 1 Erikson, E. (1996). Identichnost: yunost i krizis [Identity: youth and crisis]. Moscow: Progress [in Russian].
- 2 Bashliar, G. (2000). Izbrannoe: nauchnyi ratsionalizm [Selected: scientific rationalism]. Saint Petersburg: Universitetskaya kniga [in Russian].
- 3 Sokolov, V.V. (Ed.). (1972). Antologiya mirovoi filosofii: [V 4 tomakh]. Tom 1 [Anthology of world philosophy: (Vols. 1–4). Vol. 1. Moscow: Mysl [in Russian].
- 4 Descartes, R. (2020). Rassuzhdenie o metode [Reasoning about the method]. Moscow: AST [in Russian].
- 5 Maiorov, G.G. (Ed.). (2001). Blazhennyi Ioann Duns Skot. Izbrannoe [Blessed John Duns Scotus. Selected]. Moscow: Izdatelstvo Frantsiskantsev [in Russian].
- 6 Leibniz, G. (2022). Monadologiya [Monadology]. Moscow: Ripol Klassik [in Russian].
- 7 Kierkegaard, S. (2022). Strakh i trepet [Fear and Trembling]. Moscow: Akademicheskii proekt [in Russian].

- 8 Locke, J. (2022). Opyt o chelovecheskom razumenii [Experience about human understanding]. Moscow: Azbuka [in Russian].
- 9 Hume, D. (2022). Traktat o chelovecheskoj prirode [Treatise on human nature]. Moscow: Azbuka [in Russian].
- 10 Simmel, G. (2017). Izbrannoe. Filosofiiia kulturey [Selected. Philosophy of culture]. Moscow: TsGI [in Russian].
- 11 Adorno, T. (2011). Negativnaia dialektika [Negative dialectics]. Moscow: Akademicheskii proekt [in Russian].
- 12 Marcuse, H. (2003). Eros i tsivilizatsiia. Odnomernyi chelovek [Eros and civilization. One-dimensional man]. Moscow: AST [in Russian].
- 13 Salikhov, G.G. (2011). Problema identichnosti v usloviakh globalizatsii [The problem of identity in the context of globalization]. *Vek globalizatsii — Age of globalization*, 1, 122–129 [in Russian].
- 14 Huntington S. (1993). The Clash of Civilizations. *Foreign Affairs*, 3, 22-49.
- 15 Absattarov, G.R. (2008). Pravovoi protsess v sotsialno-politicheskoi sisteme kazakhstanskogo obshchestva [Legal process in the socio-political system of Kazakhstan society]. *Izvestiia Natsionalnoi akademii nauk Respubliki Kazakhstan — Proceedings of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan*, 5, 100–107 [in Russian].
- 16 Tishkov, V. Konstruirovaniie etnicheskoi identichnosti [Construction of ethnic identity]. Retrieved from: <http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/lekcii2/lekcii/konstruiro.html> [in Russian].
- 17 Tlostanova, M. (2003). Zapadnye SMI i mifologiiia tolerantnosti [Western media and the mythology of tolerance]. *Pravo znat: istoriia, teoriia, praktika — The right to know: history, theory and practice*, 9, 10, 28–44 [in Russian].
- 18 Kevlian, R. Teorii natsionalizma: obshchii obzor i primenimost k Tsentralnoi Azii [Theories of nationalism: general overview and applicability to Central Asia]. Retrieved from: <http://pandia.ru/text/77/148/3743.php> [in Russian].
- 19 Kukusheva, N.E. (2016). Multikulturalizm kak teoriia natsiostroitelstva v Kazakhstane [Multiculturalism as a theory of nation-building in Kazakhstan]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki — Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*, 12, 117–120 [in Russian].
- 20 Laumulin, M. (2006). Zakat multikulturalizma. Nastupaet era evropeiskogo islama [Decline of multiculturalism. The era of European Islam is coming]. *Kontinent — Continent*, 5, 11–13 [in Russian].
- 21 Shalabaeva, G. (2001). Postizhenie kulturey: mirovozzrencheskie paradigmy i istoricheskie realii Kazakhstana [Comprehension of culture: ideological paradigms and historical realities of Kazakhstan]. Almaty: Aqyl kitaby [in Russian].
- 22 Kadyrzhанov, R. (2014). Etnokulturnyi simvolizm i natsionalnaia identichnost Kazakhstana [Ethno-cultural symbolism and national identity of Kazakhstan]. Almaty: Institut filosofii, politologii i religiovedeniia KN MON RK [in Russian].